

ОПЫТЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В. В. Напольских

ЕЩЕ РАЗ О НОСТРАТИЧЕСКОЙ «ПРАРОДИНЕ» И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРЕДЫСТОРИИ

А Н Н О Т А Ц И Я . В статье рассматриваются проблемы, возникшие в дискуссиях с коллегами после публикации первой статьи автора, посвященной проблеме ностратической прародины и распада ностратической общности («Этнография». 2018. № 1), где предлагалась гипотеза о связи праностратического единства с комплексом палеолитических культур «мамонтной степи» в перигляциальной зоне Евразии от Северного Причерноморья до верховьев Лены и Амура, а его распад с интенсификацией стока приледниковых озер по Тургайскому спиллвею и хвалынской трансгрессией Каспия. Первый комплекс проблем связан с членением ностратической общности. Автор настаивает на делении ностратических языков на западные (картвельские и индоевропейские) и восточные (урало-юкагирские, алтайские и эскалеутские, возможно — дравидийские) и на особой генетической близости уральских и юкагирских языков в рамках ностратической макросемьи и показывает несостоятельность критики юкагиро-уральской гипотезы. Второй комплекс проблем связан с использованной автором палеогеографической реконструкцией последнего оледенения и его финала. На самом деле в гляциологии существуют как минимум две конкурирующие точки зрения: использованная автором модель Гросвальда-Хьюза и «минималистская», отрицающая наличие массивного ледникового щита и обширных водоемов на территории Западной Сибири. Рассматриваются аргументы сторонников обеих реконструкций и делается вывод о необходимости понимания методов отдельных наук при комплексном исследовании предистории.

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А : предистория, Северная Евразия, ностратическая макросемья языков, юкагиро-уральская семья, последнее оледенение, гляциология, палеогеографическая реконструкция

У Д К 902

DOI 10.31250/2618-8600-2019-3(5)-109-121

Н А П О Л Ь С К И Х Владимир Владимирович — чл.-корр. РАН, профессор, Удмуртский государственный университет; заведующий лабораторией, Казанский федеральный университет (Россия, Ижевск; Казань)

E-mail: vovia@udm.ru

В первом номере возобновленной «Этнографии» была опубликована моя статья (Напольских 2018) с изложением гипотезы временной и территориальной привязки поздней ностратической прародины и обстоятельств распада этой общности. Суть предложенной гипотезы вкратце может быть сведена к следующему. Общие черты в языках ностратической макросемьи (в современном понимании включающей в себя эскалеутские, алтайские, урало-юкагирские, индоевропейские, картвельские и — с некоторой долей сомнения — дравидийские языки) могут восходить к языковой системе, сложившейся к концу палеолита (=концу плейстоцена) у населения полосы предледниковых «мамонтовых степей» от северного Причерноморья до верховьев Лены и Амура. Единство этой языковой системы поддерживалось в рамках растянувшейся в широтном направлении полосы/цепочки языков и диалектов за счет интенсивных контактов достаточно многочисленных преуспевающих в условиях «мамонтовой степи» групп верхнепалеолитических охотников, обитавших в одинаковых природных условиях (языки разных групп, оказавшихся изначально вовлеченными в этот контакт, необязательно должны были быть родственны, аналог — романский праязык первой половины I тыс. н. э.). Распад общности произошел вследствие вызванных концом последнего оледенения катастрофических для уклада жизни первобытных людей природных событий, связанных с перестройкой всей системы биогеоценозов Северной Евразии. При этом специальное значение для разделения западно-ностратической (индоевропейско-картвельской) и восточно-ностратической (урало-алтайской) групп мог иметь прорыв вод подпружных водоемов Западной Сибири («море Манси») в направлении Арала и Каспия и последующая раннехвалынская трансгрессия Каспийского моря, вследствие чего прервались связи сибирских и европейских частей ностратической общности (прежде всего — носителей доиндоевропейских и доуральских диалектов), история которых после этого пошла разными путями.

Опорой для этих построений послужили палеогеографические реконструкции одного из ведущих гляциологов XX в. М. Г. Гросвальда, карта из работы которого была мною использована для иллюстрации приведенной выше гипотезы (Гросвальд 1989: 39–40, рис. 5) — см. рис. 1.

После публикации первой статьи я имел несколько интересных дискуссий с коллегами, которые привели меня к необходимости дополнить свои соображения несколькими важными, на мой взгляд, замечаниями.

Во-первых, хотелось бы еще раз уточнить мои аргументы относительно членения ностратической макросемьи. Ее деление на западную (индоевропейско-картвельскую) и восточную (урало-юкагино-алтайско-эскалеутскую, к которой, возможно, был изначально близок и дравидийский) предполагалось с самого начала создания ностратической гипотезы и базируется на структурном (фонетическом, морфологическом и синтаксическом) сходстве соответствующих языков (номинативный строй, по-

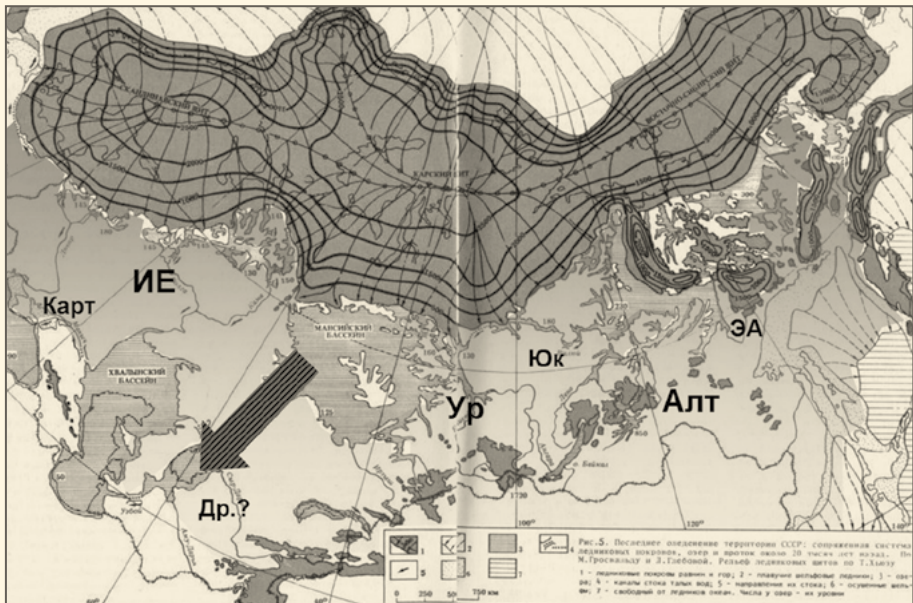

Рис. 1. Палеогеографическая ситуация в конце последнего оледенения и гипотетическая ностратическая прародина

Стрелкой обозначен Тургайский сток, максимум которого мог привести к отделению западноностратической группы от восточноностратической, буквами — возможные районы локализации диалектов ностратической общности (докартвельского, доиндоевропейского, додравидийского, доуральского, доюкагирского, доалтайского и доэскалеутского)

рядок слов SOV, последовательная аффиксальная агглютинация, гармония гласных и т. д. на востоке — против архаичного активного строя, сложной флективной структуры, достаточно ограниченной системы вокализма с важной ролью вокальных чередований в морфологии и т. д. на западе). Такое типологическое расхождение языков восточной и западной групп может являться только результатом их отдельного развития в пределах двух обособленных ареалов на поздних этапах существования ностратической общности и после ее распада.

Показать это (западно-восточное) членение ностратических языков на материале лексики вряд ли возможно, во-первых, потому что в целом объем надежных ностратических сходжений невелик и любые различия здесь будут находиться в пределах случайных флуктуаций. Во-вторых, следует принимать во внимание неодинаковый потенциал лексических реконструкций, например, в картвельском (всего три языка в одной группе и один — в другой) и в индоевропейском (не менее двух десятков языков разных групп с письменно зафиксированной или разработанной историей, активно используемых в сравнительно-исторических построениях, не говоря об огромном количестве языков, которые могут быть привлечены

к реконструкции в принципе): ясно, что картвельский всегда будет давать более низкий процент совпадений с любой другой группой. В-третьих, наконец, следует иметь в виду, что уровень этимологической, исторической и диалектологической изученности индоевропейских и уральских языков на порядок выше, чем любых других групп, в силу чего они опять-таки будут обнаруживать больше внешних сходжений.

С этими проблемами непосредственно связан вопрос об особом родстве уральских и юкагирских языков и о соотношении его с урало-индоевропейскими и урало-алтайскими параллелями. С середины и до конца XX в. в работах Б. Коллиндера, О. Г. Тайёра и И. А. Николаевой постепенно были обоснованы и продемонстрированы основные факты в пользу урало-юкагирской гипотезы (корпус из не менее чем полусотни надежных лексических сходжений, системные нетривиальные фонетические соответствия, сходство в морфонологии и синтаксисе), которые при непредвзятом подходе не позволяют отрицать общее происхождение языков двух семей. Следует иметь в виду, что системные структурные сходжения в морфологии уральских и юкагирских языков весьма существенны, но исследованы пока слабо, часто только намечены, как, например, многочисленные очень показательные параллели в (Крейнович 1982), которые еще ожидают подробного разбора. Равным образом и количество лексических параллелей отнюдь не исчерпывается упомянутыми в (Nikolaeva 2006), как предполагают критики урало-юкагирской гипотезы. Число этих параллелей гораздо больше (см., например, предложенные мною с опорой на материал пермских языков (Напольских 2018 а: 510 pass.)), и нет сомнения, что оно будет расти. Совершенно случайно в процессе написания статьи я заметил одну, на мой взгляд, интересную возможную параллель, которая, кажется, до сих пор в юкагино-уральских штудиях не фигурировала:

ПЮ **quńžə* (jə) ‘звезда’: колым. *jurgud’ējə*, (В) *lerungundshia*, (МК) *liréngindschejé* и др. (первый компонент восходит к ПЮ **lurk-* ‘дыра’: звезды в юкагирской традиции представлялись дырками на шкуре-покрышке небесного тордоха; следует предполагать упрощение композита из **lurkun-quńžə*(jə)) (Nikolaeva 2006: 254) ~ ПУ **kuńcz* / **kućz* ‘звезда’ (UEW: 210–211). Показательно, что в пределах ностратической макросемьи имеется только одна надежная параллель из восточного юкагино-урало-тунгусского ареала: тунг. **xōsi-hta* ‘звезда’ (EDAL: 845–846). Приводимые в (EDAL) другие ностратические параллели не могут быть приняты: карах. *qućiq* ‘созвездие Рака’, во-первых, представляет собой *h*арах, во-вторых, является явным культурным термином с неясной начальной семантикой (предполагать развитие ‘звезда’ > ‘созвездие Рака’ могут, наверное, только авторы EDAL), а ПИЕ **ghueisdh-* на самом деле отражено только в балт.-слав. **žwaigzdā* с неясной этимологией.

На этом фоне по меньшей мере странно выглядят периодически повторяющиеся атаки на юкагино-уральскую гипотезу, предпринимаемые

как со стороны «узких специалистов», отрицающих перспективы макрокомпаративистики в принципе (Rédei 1990; Aikio 2014), так и со стороны представителей «московской лингвистической школы», сторонников ностратической гипотезы (Kassian 2019 — урало-юкагирская проблема обсуждалась в основном в ходе дискуссии по моему докладу и докладу А. С. Касьяна). Пафос всех возражений сводится по сути дела к одному тезису: юкагино-уральские параллели объясняются не древней особой генетической общностью языков двух семей, а более поздними контактами юкагирских языков с самодийскими. Для этого выдвигаются различные априорные, заведомо не выполнимые на данной глубине сравнения претензии. Так, если речь идет о параллелях в морфологии, то необходимым является установление идентичности морфологических систем (каковую невозможно показать ни для одной пары групп уральских языков, например), а наличие общих элементов (прежде всего коаффикса местных падежей *-ka- — практически единственная эксклюзивная самодийско-юкагирская изоглосса, имеющая более отдаленные параллели в эскимосском) просто объявляется заимствованием (Rédei 1990). Для обоснования общего происхождения юкагирской и уральской лексики А. Айкио требует безусловного наличия дериватов рассматриваемого корня по крайней мере в трех группах уральских языков (финно-пермской, угорской и самодийской), причем если искомый этимон отсутствует в самодийских, это не препятствует предположению о самодийском заимствовании в юкагирский (см. подробнее в (Напольских 2018)). Со стороны ностратистов комическим образом выдвигается прямо противоположное требование: чтобы доказать генетическое родство юкагирского и уральского, необходимо найти сепаратные лексические параллели юкагирского и финно-угорского, не представленные в самодийском («не сохранившиеся» в нем). При этом в своем выступлении А. С. Касьян прямо заявил, что таких параллелей нет: якобы, все юкагино-уральские сходжения всегда имеют соответствия в самодийском, и это является сильнейшим аргументом в пользу их контактного происхождения. Данное утверждение является прямым обманом: таких примеров сколько угодно, помимо рассмотренной в моей предыдущей статье параллели ПФУ *šodka (*šolka) ‘вид утки’ ~ ПЮ *salgə ‘гагара’ могу привести еще несколько вполне надежных, которые легко найти за несколько минут, используя, например, словарь И. А. Николаевой:

ПЮ *čāqə ‘замерзать’ (Nikolaeva 2006: 125) ~ ПФУ (саам.-угор.) *čaka ‘тонкий слой недавно замерзшего льда (на реке, на снегу); ледяная шуга’ (UEW: 29);

ПЮ *čijičə ‘тьма, сумерки; ночь’ (Nikolaeva 2006: 133) ~ ПФУ (перм.-угор.) *čijz ‘дым, туман’ (UEW: 59);

ПЮ *el’i ‘первый’ (Nikolaeva 2006: 157) ~ ПФУ (приб.-ф.-угор.) *ede (*ele) ‘перед, передний’ (UEW: 71–72);

ПЮ **lar(-qul)* ‘корень’ (Nikolaeva 2006: 235) ~ ПФУ **särz* (мар.-перм.-угор.) *‘ (кровеносный) сосуд, корень’ (UEW: 437);

ПЮ **laβu-* ‘деревья, мусор на поверхности реки, загор’ (Nikolaeva 2006: 236–237) ~ ПФУ (саам.-мар.-перм.-угор.) **lappz* ‘тж’ (UEW: 257).

Естественно, этими примерами список сепаратных финно-угорско-юкагирских параллелей далеко не исчерпывается. Нельзя, однако, не отметить тот факт, что, указывая на статью А. Айкио как на работу, в которой якобы развенчивается юкагиро-уральская гипотеза, А. С. Касьян исходит из прямо противоположных претензий. Естественно, устоять против столь разнообразного набора агрессивных возражений сможет не всякая гипотеза. Юкагиро-уральская, однако, как видим, прекрасно выдерживает самую предвзятую критику.

Нелепость предположения о контактном происхождении юкагиро-уральских параллелей становится очевидной, если принять во внимание то простое обстоятельство, что эти параллели выявлены на материале языков восточных юкагирских групп (омоки, алаи, когимэ, чуванцы, ходынцы), а не западных (маяты, янда, коромо, онойди и др.), которые реально могли контактировать, например, с нганасанами, но о языках которых мы практически ничего не знаем (следует, однако, имея в виду хотя бы расхождения между колымским (когимэ) и тундровым (омоки) юкагирским, думать, что западно-юкагирские языки должны были существенно отличаться от известных нам восточных).

Подводя итог, могу только привести две цитаты, справедливость которых остается непоколебленной никакими новейшими возражениями. Связи «юкагирского языка с самодийским как будто не более тесны, чем с финно-угорским», в силу чего нет реальных оснований для утверждений о каких-то (тем более «интенсивных») юкагирско-самодийских контактах (Хелимский 1983: 8). «Die uralo-jukagirische <Hypothese> lässt sich kaum abweisen, wenn man an den Methoden und den Errungenschaften der historisch-vergleichenden Sprachforschung festhalten will» (Collinder 1965: 109).

Полагаю, что с ностратической стороны критика юкагиро-уральской гипотезы объясняется отчасти возросшим в последнее время вниманием к доказательству урало-индоевропейского родства в рамках ностратической гипотезы. Нисколько не отрицая сам этот факт, хочу обратить внимание на следующее существенное обстоятельство. Если гипотеза о родстве уральского и индоевропейского проходит самую строгую проверку, то это отнюдь не означает, что в рамках ностратической макросемьи именно данные два праязыка наиболее близки. Если же посмотреть на материал, приводимый, например, в (Kassian et al. 2014), то индоевропейский и уральский обнаруживают там 7 схождений в очередном «самом устойчивом» 50-словном списке, из которых три (‘я’, ‘ты’, ‘кто’) являются одноконсонантными корнями паневразийского (по крайней мере общеностратического) распространения (**m-*, **t-*, **k-*), одно (‘имя’) может

быть культурным термином, еще одно представлено очень странной прауральской реконструкцией ('пить' **iʷi*- — на самом деле от анлаутного **j*- в прауральском уйти никак невозможно). Оставшиеся два корня ('слышать', 'вода') вряд ли могут рассматриваться как решающий аргумент в пользу особой близости уральского и индоевропейского. Еще раз подчеркну, что любые математические подсчеты здесь — дело лукавое и, по большому счету, бессмысленное, и важнейшее значение имеют типологические аргументы. Не могу не привести в связи с этим цитату от исследователей, которые для представителей московской ностратической школы являются, вероятно, безусловными авторитетами: «Из общих обсуждений Якобсон участвовал также и в дискуссии по докладу о математической лингвистике. Он подчеркивал значение таких неколичественных областей математики, как топология. Я от него слышал много раз, что математики его убеждали в относительно малом значении подсчетов. Количественную сторону находят важной преимущественно нематематики» (Иванов 1999).

Вторая проблема, всплывшая в дискуссиях преимущественно с коллегами-археологами и палеонтологами (особо благодарю за ценнейшие замечания и помощь Павла Андреевича Косинцева), состоит в том, что принятая мною в качестве опорной палеогеографическая реконструкция М. Г. Гроссвальда представляет собой лишь один из возможных сценариев развития природной среды в конце плейстоцена, который в ряде важных — и особенно для нашей темы — аспектах существенно расходится с альтернативными.

В целом речь идет о разработанной М. Г. Гроссвальдом, Т. Хьюзом и др. в 1970–1990-х гг. модели, согласно которой в периоды ледниковых максимумов, в том числе и последнего (осташковско-сарганского), в Северном Ледовитом океане за счет слияния Британского, Скандинавского, Баренцева и Карского ледниковых щитов, локальных ледников и ледяного океанического покрова возникал Панарктический, или Великий Арктический ледниковый покров, в результате чего вся Арктика оказывалась погребенной под ледяным чехлом, подобным современной ледниковой системе Антарктиды. Это приводило к подпруживанию стока Печоры, Оби и Енисея и образованию на территории Западной Сибири гигантских водоемов, которые в финальной фазе своего существования находили сток в Арал и Каспий (Гроссвальд 2009: 13 *pass.*). Следует заметить, что модель Гроссвальда-Хьюза необязательно предусматривает наличие массивного ледового щита на территории Западносибирской низменности (возможно, отчасти и вопреки картам, приводимым в работах М. Г. Гроссвальда) — то обстоятельство, что большая часть Западной Сибири не была покрыта льдом во время последнего ледникового максимума, давно и хорошо известно (Лазуков 1964). Основным здесь является наличие на севере, в приморских районах, ледникового покрова, препятствовавшего свободному стоку рек.

Этой модели противостоит так называемая минималистская модель, разрабатываемая с 1990-х гг. в трудах ряда российских, а позднее — и зарубежных (скандинавских по преимуществу) исследователей. Согласно этой модели Баренцево-Карский щит на востоке только покрывал Новую Землю и лишь в период абсолютного максимума едва достигал берегов Таймыра (в этой модели движение льда происходило с запада, из Баренцева моря, на восток, в отличие от модели Гроссвальда-Хьюза, где предполагается движение карского льда на запад), а север Западной Сибири (Ямал, Гыдан, устья Оби и Енисея) был свободен от ледника (Гроссвальд 2009: 69 pass.; Hughes et al. 2016). Различия двух моделей представлены на рис. 2.

Рис. 2. Палеогеографическая реконструкция для последнего ледникового максимума по М. Г. Гроссвальду (слева) и согласно «минималистской» модели (справа) (Гроссвальд 2009: 73)

Согласно «минималистской» модели ледниковые отложения побережий Баренцева и Карского морей, в том числе конечно-моренные пояса и осадки прогляциальных озер, а равно и ледниково-подпрудных озер Западной Сибири относятся к ранне- и средневалдайскому времени, а не к последнему ледниковому максимуму и, следовательно, эти образования не могут иметь отношения к социальным процессам финального палеолита. Для гляциологии это означает, что результаты всех работ по стратиграфии и геохронологии, сопровождавших геологическую съемку побережий Баренцева и Карского морей и датировки всех образований, должны быть пересмотрены в сторону их радикального удревнения (Гроссвальд 2009: 70 pass.). Опорой при этом служат термолюминисцентные (OSL TL) и радиоуглеродные (^{14}C) даты ледниковых отложений с соответствующих территорий. Не вдаваясь в специальные проблемы, достаточно, наверное, будет процитировать посмертно изданную монографию М. Г. Гроссвальда: «... вся <<минималистская>> модель держится на тех датировках по ^{14}C и OSL, которые собраны участниками программы и их устраивают. Массив других дат, который создан за годы прежних геологических работ на Русском Севере и указывает на оставшковско-сартанский

возраст последнего пика, эти исследователи игнорируют» (Гросвальд 2009: 75–76). Проблема, на мой взгляд, еще и в том, что убежденность в абсолютной точности естественнонаучных методов датировки сродни убежденности в точности глоттохронологических подсчетов и лежит в области верований, а не науки. Как справедливо отмечал М. Г. Гросвальд, «возможности физико-химических методов абсолютной геохронологии не беспредельны, и подавляющая масса “старых” дат, получаемых в полярных областях, фиктивна», причинами чего являются множество факторов: массовое засорение поверхностных отложений мертвым углеродом, резервуарный эффект Северного Ледовитого океана и др. Характерно, что огромное количество датировок останков мамонтов с территорий, покрытых в прошлом Британским и Скандинавским ледником «с чисто лабораторной точки зрения корректны, а по значениям — нелогичны и неприемлемы», поскольку их принятие означало бы, что «ни в Европе, ни в Азии сколько-нибудь длительного оледенения вообще быть не могло. Поэтому западные исследователи такие датировки игнорируют, считая их ошибочными и вводящими в заблуждение. С иным “аршином” они подходят лишь к Русскому Северу, особенно к Таймыру и Северной Земле — здесь кости мамонтов с возрастом в 19–25 тыс. лет принимаются по “лицевой цене”, их считают неопровержимым доказательством безледности и Карского шельфа, и соседней суши» (Гросвальд 2009: 77).

Если посмотреть новейшие публикации «минималистов», то очевидно, что справедливость критики М. Г. Гросвальда только подтверждается: для Таймыра имеется только около десятка дат ^{14}C с северного побережья и более репрезентативная серия с западного побережья оз. Таймыр, по Ямалу — две большие серии с восточного (район устья р. Сёяха и мыса Белый, ^{14}C) и западного (район о. Литке, OSL TL) побережья (Hughes et al 2016: 10, fig. 3). По Гыдану данных нет, более южные регионы Западной Сибири вообще не поместились на карте. При этом, судя по картам реконструкции последнего покровного оледенения (Hughes et al. 2016: 18 ff.), на протяжении всего периода 25–11 тыс. л. назад ото льда были свободны не только Ямал и весь север Западной Сибири, но и весь Таймыр и даже плато Путорана. Возможно, специалисты всегда правы, но поверить в подобную реконструкцию — в особенности принимая во внимание отсутствие у авторов реальных данных по означенным территориям — по крайней мере трудно. Впрочем, М. Г. Гросвальд уже отмечал некорректность полученных «минималистами» дат по озерам Таймыра и Путораны (Гросвальд 2009: 77). В новейшей же «минималистской» статье источник датирования обозначен следующим образом: «It has been proposed that the northwestern part of the Taimyr Peninsula was inundated by a glacier advance from the Kara Sea shelf. This interpretation relies on two AMS radiocarbon dates from mollusc shells collected from melt-out till draped over remnants of glacier ice correlated to a belt of ice-marginal features, named the North Taimyr ice-marginal zone»

(Hughes et al. 2016: 32). Опять-таки — судить специалистам, но поневоле приходит на ум, что столь ничтожная база напоминает приведенный выше пример с двумя индоевропейско-уральскими соответствиями из 50-словного списка.

Важнейшим аргументом в пользу модели Гросвальда-Хьюза является ее вписанность в историю природных процессов финального плейстоцена в целом и прежде всего — возможность объяснения с ее помощью раннехвалынской трансгрессии Каспия (прорыв вод западносибирских подпорных водоемов через Тургайский сток), которая с точки зрения «минималистской» гипотезы оказывается никак не связанной с последним ледниковым максимумом и требует совершенно отдельных объяснений.

В целом, не претендуя на участие в спорах гляциологов и палеогеографов, могу сказать, что ситуация с реконструкцией палеогеографических обстоятельств периода конца последнего оледенения в Северной Евразии, по-видимому, весьма сложна и противоречива. Предложенная мной в первой статье гипотеза финала ностратического единства, основанная на одной из соперничающих палеогеографических реконструкций, кажется мне по-прежнему вполне приемлемой, но, естественно, если окажутся правы «минималисты», ее придется пересмотреть. При этом совершенно необязательно отказываться от нее полностью: факт раннехвалынской трансгрессии остается, и последствия этого события на могли не сказаться на взаимодействии верхнепалеолитических групп, живших к западу и к востоку от Волги. Другое дело, что при принятии «минималистской» модели открываются весьма интересные перспективы для объяснения раннего проникновения уралоязычных групп на север Западной Сибири, адаптации их к северным условиям уже в финальном палеолите и последующего распространения на запад в Восточной Европе в раннем голоцене.

Как бы то ни было, сделанные здесь замечания в любом случае должны рассматриваться как сугубо предварительные наброски для дальнейшей работы по сведению выводов естественнонаучных, лингвистических, археологических и др. исследований в единую историческую модель. Важнейшим же выводом, который можно сделать сейчас, является вновь подтвержденная необходимость опираться в мультидисциплинарных исследованиях на корректные выводы частных дисциплин, учитывая все дискуссии и спорные места, которые имеют место. Быть специалистом во всех науках, используемых в палеоисторических реконструкциях, невозможно, однако можно и абсолютно необходимо понимать методы, с помощью которых получают те или иные результаты. Это понимание можно рассматривать как необходимое квалификационное требование к исследователю предыстории (Анфертьев 1993: 67–68).

** Исследование выполнено за счет гранта РНФ 18-18-00361 «Транскультурные связи в Старом Свете по результатам анализа ареального распространения фольклорно-мифологических мотивов».*

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Анфертьев А. Н. Прологомены к изучению этнической истории // Этносы и этнические процессы. Памяти Р. Ф. Итса. М., 1993. С. 62–69 (переиздание: // Известия общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете. Том 37, вып. 1. Казань, 2017. С. 138–146).

Гросвальд М. Г. Последнее великое оледенение территории СССР / Науки о земле. М., 1989. Вып. 10.

Гросвальд М. Г. Оледенение Русского Севера и Северо-Востока в эпоху последнего великого похолодания / Материалы гляциологических исследований. М., 2009. Вып. 106. 152 с.

Иванов Вяч. Вс. О Романе Якобсоне. (Главы из воспоминаний) // Звезда. СПб., 1999. № 7 (URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/1999/7/ivanov.html>).

Крейнович Е. А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. Ленинград, 1982.

Лазуков Г. И. Центры оледенений Западно-Сибирской низменности // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. М., 1964. № 6. С. 31–37.

Напольских В. В. К проблемам исследования древнейшей предыстории Северной Евразии (ностратическая макросемья языков) // Этнография. 2018. № 1. С. 119–142.

Напольских В. В. Очерки по этнической истории. Казань, 2018а.

Хелимский Е. А. Ранние этапы этногенеза и этнической истории самодийцев в свете языковых данных // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. Омск, 1983.

Aikio A. (Luobbal Sámmol Sámmol Ánte) The Uralic-Yukaghir lexical correspondences: genetic inheritance, language contact or chance resemblance? // Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki, 2014. Bd. 62. P. 7–76.

Collinder B. Hat das Uralische Verwandte? Eine Sprachvergleichende Untersuchung / Acta Universitatis Upsaliensis. Acta Societatis linguisticae Upsaliensis. Nova Series. T. 1:4. Uppsala, 1965.

EDAL — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* Etymological dictionary of Altaic languages. With assistance of Ilya Gruntov and Vladimir Glumov / Handbook of Oriental Studies / Handbuch der Orientalistik. Part 8: Uralic & Central Asian Studies, 8. Leiden, 2003.

Hughes A. L. C., Gyllencreutz R., Lohne Ø. S., Mangerud J., Svendsen J. I. The last Eurasian ice sheets — a chronological database and time-slice reconstruction, DATED-1 // Boreas. 2016 (January). Vol. 45. P. 1–45.

Kassian A. Circumpolar peoples and their languages: ancient Chukotko-Kamchatkan-Nivkh and Yenissean-Burushaski-Na-Dene connections // Paper presented at: International conference «100 anniversary of the human population genetics» Moscow, 29–31.05, 2019.

Kassian A. S., Zhivlov M. A., Starostin G. S. Towards a probabilistic evaluation of the Indo-Uralic connection: Applying automated comparison to reconstructed sets of basic lexicon // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XVIII (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы международной конференции, 23–25 июня 2014 г. / отв. ред. Н. Н. Казанский. Санкт-Петербург, 2014. С. 382–408.

Nikolaeva I. A historical dictionary of Yukaghir / Trends in linguistics. Documentation, 25. Berlin; New York, 2006.

Rédei K. Zu den uralisch-jukagirischen Sprachkontakten (einige Kapitel aus dem Themenkreis)//Congressus septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars 1A. Debrecen, 1990.

UEW — Uralisches etymologisches Wörterbuch. Hrsg. von K. Rédei. Budapest, 1986–1991.

ONCE MORE ON THE NOSTRATIC «ORIGINAL HOME» AND INTERDISCIPLINARY IN PREHISTORICAL STUDIES

ABSTRACT. The article examines the problems that arose in discussions with colleagues after the publication of the author's first article on the problem of Nostratic original home and the disintegration of the Proto-Nostratic community (Etnografia. 2018. № 1), which suggested a hypothesis on connection of the Proto-Nostratic with a complex of paleolithic cultures of the "mammoth steppe" in the periglacial zone of Eurasia from the Northern Black Sea to the upper reaches of Lena and Amur, and its disintegration caused by the intensification of the runoff of the glacial lakes along the Turgai spillway and transgression of the Caspian Sea. The first set of problems is related to the inner classification of the Nostratic languages. The author insists on the division of nostratic languages into Western (Kartvelian and Indo-European) and Eastern (Ural-Yukaghir, Altai and Escaletian, possibly — Dravidian) groups and on the special genetic connections between Uralic and Yukaghir languages within the Nostratic framework and shows the failure of criticism of the Yukaghiro-Uralic hypothesis. The second set of problems is connected with the paleogeographic reconstruction of the last glaciation used by the author for his hypothesis. In fact, there are at least two competing points of view in glaciology: the model of Grosswald-Hughes and the "minimalist" model, which negates the presence of a massive ice sheet and extensive water reservoirs in Western Siberia. The arguments of the proponents of both reconstructions are considered and the conclusion is made about the need to understand the methods of individual sciences in complex prehistorical studies.

KEY WORDS: prehistory, Northern Eurasia, Nostratic macro-family, Yukaghiro-Uralic family, last glaciation, glaciology, paleogeographical reconstruction

Vladimir V. N A P O L S K I K H — Member of the RAS, Udmurt State University; Kazan Federal University (Russia, Izhevsk; Kazan)
E-mail: vovia@udm.ru

REFERENCES

Aikio A. (Luobbal Sámmol Sámmol Ánte) The Uralic-Yukaghir lexical correspondences: genetic inheritance, language contact or chance resemblance? *Finnisch-ugrische Forschungen*. Helsinki, 2014, bd. 62, pp. 7–76. (in English).

Anfert'yev A. N. [Prolegomena to the studies on ethnic history]. *Etnosy i etnicheskie protsessy* [Ethnoses and Ethnic Processes]. Moscow: Nauka Publ., 1993, pp. 62–69. (in Russ.).

Collinder B. *Hat das Uralische Verwandte? Eine Sprachvergleichende Untersuchung* / Acta Universitatis Upsaliensis. Acta Societatis linguisticae Upsaliensis. Nova Series. Vol. 1:4. Uppsala, 1965. (in German).

Grosvald M. G. [Ice Sheets in the Russian North and North-East During the Last Great Chill]. *Materialy glyatsiologicheskikh issledovaniy* [Data of glaciological studies]. Moscow: Nauka Publ., 2009, iss. 106. (in Russ.).

Grosvald M. G. [The Last Great Glaciation of the Territory of the USSR]. *Nauki o zemle* [Earth science]. Moscow: Znanie Publ., 1989, iss. 10. (in Russ.).

Hughes A. L. C., Gyllencreutz R., Lohne Ø. S., Mangerud J., Svendsen J. I. The Last Eurasian Ice Sheets — a Chronological Database and Time-Slice Reconstruction, DATED-1. *Boreas*, 2016 (January), vol. 45, pp. 1–45. (in English).

Ivanov V. Vs. [About Roman Jakobson]. *Zvezda* [Star], 1999, no. 7. (in Russ.).

Kassian A. S., Zhivlov M. A., Starostin G. S. [Towards a Probabilistic Evaluation of the Indo-Uralic Connection: Applying Automated Comparison to Reconstructed Sets of Basic Lexicon]. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya — XVIII (chteniya pamyati I. M. Tronskogo): Materialy mezhdunar. konf.* [Indo-European Linguistics and Classical Philology — 18. Proceedings of the Conference in Memory of Professor Joseph M. Tronsky]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2014, pp. 382–408. (in Russ.).

Khelimskiy E. A. [Early stage of the Ethnogenesis and Ethnic History of the Samoyeds in the Light of Language Data]. *Problemy etnogeneza i etnicheskoy istorii samodiysskikh narodov* [Problems of Ethnogenesis and Ethnic History of the Samoyed peoples]. Omsk: Omsk University Publishing Publ., 1983. (in Russ.).

Kreynovich Ye. A. *Issledovaniya i materialy po yukagirskomu yazyku* [Studies and Materials on the Yukaghir Language]. Leningrad: Nauka Publ., 1982. (in Russ.).

Lazukov G. I. [Centers of glaciations on the West-Siberian lowland]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. V. Geografiya* [Gerald of Moscow University. Series V. Geography], 1964, no. 6, pp. 31–37. (in Russ.).

Napol'skikh V. V. [On the Problems of Studying the Most Ancient Prehistory of Northern Eurasia (Nostratic Macrofamily of Languages)]. *EtnoGRAfIA*, 2018, no. 1, pp. 119–142. (in Russ.).

Napol'skikh V. V. *Ocherki po etnicheskoy istorii* [Essays on the Ethnic History]. 2nd ed. Kazan, 2018. (in Russ.).

Nikolaeva I. *A Historical Distionary of Yukaghir (Trends in Linguistics. Documentation)*. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2006, vol. 25. (in English).

Rédei K. Zu den uralisch-jukagirischen Sprachkontakten (einige Kapitel aus dem Themenkreis). *Congressus septimus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Pars 1A. Debrecen, 1990. (in German).

Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. *Etymological Dictionary of Altaic Languages (Handbook of Oriental Studies/Handbuch Der Orientalistik)*. Leiden: Brill Academic Publ., 2003, part 8. (in English).

von K. Rédei (Hrsg.) *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. Budapest, 1986–1991. (in German).